

Виктор Дмитриевич Балакаев
Институт философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: balakaev.work@gmail.com
SPIN-код: 2871-9199

«Отступать некуда»: защита национальной идентичности средствами международного права и правосудия

Аннотация. Исследование сосредотачивается на поиске приемлемых с точки зрения международного права способов, которыми государство может защищать свою национальную идентичность, расширяя либо сужая сферу действия для себя международных обязательств, а в некоторых случаях и отступая от них (дерогация, доктрина свободы усмотрения, в том числе при исполнении решений международного суда). В этих целях в статье исследуются наиболее резонансные дела, рассмотренные в последние годы Европейским Судом по правам человека и затрагивающие проблемы защиты исторической памяти и традиционных ценностей. С использованием метода case-study демонстрируется, что на исход таких дел влияют не только содержание (scope) субстантивного права, но и менее очевидные факторы (исторический и политический контексты, процессуальное поведение стороны спора). Также показано, что в таких делах международный суд преследует и собственные интересы, которые заключаются отнюдь не в «размывании» национальной идентичности государства, а в обеспечении исполнимости собственных решений. Это дает основания говорить об исполнении актов международной юстиции по столь чувствительным для государства вопросам не просто как о формально определенной процедуре, а как о комплексном процессе поиска взаимоприемлемых политических решений, что открывает для государства, намеренного отстаивать свою национальную идентичность, больше возможностей для ее защиты. Автор приходит к выводу, что эффективность защиты национальной идентичности зависит не от принципиальности позиции государства, регулярности и категоричности его возражений, а от эффективности участия государства в международно-правовой коммуникации, не исключая судебной.

Ключевые слова: международное правосудие; исполнение решения международного суда; национальная идентичность; историческая память; политика; Европейский Суд по правам человека

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Введение. Еще немногим более ста лет назад, на закате «британского» периода эволюции международного права (Grewe 2000: 429), мы не могли наблюдать в нем прозрачных, формально определенных процедур отступления государств от международных обязательств. В 1903 г. Комиссия по рассмотрению взаимных претензий Германии и Венесуэлы в решении по *делу Фишбаха и Фридрики* исходила из того, что международное право основано исключительно на добровольном исполнении обязательств и «любое государство имеет право не соглашаться с [его] правилами или принципами... даже если они приняты всеми остальными странами»¹.

Сегодня, когда международное право отошло от сугубо волюнтаристских начал (Diru 2020: 75-76), наблюдается явное смещение акцентов в вопросе об отступлении от международных обязательств. Сто лет спустя Орган по разрешению споров ВТО (ОРС), рассуждая на ту же тему, подчеркнул необходимость решения этого вопроса до принятия на себя обязательства. ОРС напомнил, что государство вправе не принимать участие в переговорах по разработке договора, не подписывать его финальный текст, не ратифицировать его или ратифицировать с оговорками².

В этом контексте вопросы защиты национальной идентичности – в условиях, когда сулящие ей угрозы обусловлены действием тех или иных международно-правовых норм, – должны сводиться не к поиску способов отступить от уже принятых на себя обязательств, а к организации надлежащего политико-правового комплаенса, предотвращающего принятие на себя

---

¹ Germany-Venezuela Mixed Claims Commission. *Fischbach and Friedrichy Cases* (1903). 10 RIAA 388 ff. Цит. по: (Dumberry 2010: 786).

² Dispute Settlement Body. *European Communities – Measures Affecting the Approval and Marketing of Biotech Products*. Panel Report from 29 September 2006. P. 335. URL: [https://worldtradelaw.net/document.php?id=reports/wtopanels/ec-biotech\(panel\).pdf&mode=download#page=145](https://worldtradelaw.net/document.php?id=reports/wtopanels/ec-biotech(panel).pdf&mode=download#page=145) (дата обращения: 20.05.2025).

обязательств, которые могут обернуться угрозами идентичности.

Между тем не исключено, что политические, экономические и иные преимущества от принятия международного обязательства могут перевешивать те риски, которые они могут сулить национальной идентичности и иным суверенным интересам. В таком случае поиск баланса между защитой национальной идентичности и соблюдением международного права становится важной политико-правовой задачей для государства, намеренного отстоять свою субъектность.

Как выполнить эту задачу, не преступив требования международного права? От одного ли государства зависит ее выполнение? Как выстроить международно-правовую коммуникацию государству, защищающему свою идентичность и иные глубоко личные суверенные интересы? Цель настоящей работы – определить основные контуры ответов на эти вопросы с опорой на резонансную судебную практику последних лет, где затрагивались вопросы защиты национальной идентичности. Наиболее чувствительными ее составляющими, являющимися предметом международно-судебных дебатов, выступают трактовки исключительно значимых для конкретного общества событий прошлого, определивших его субъектность (историческая память), а также ценности и традиции, особо охраняемые в данном обществе ввиду различных обстоятельств («традиционные ценности»).

Защищая национальную идентичность: дерогация и свобода усмотрения. Когда международное обязательство уже возникло, у государства остается весьма скромный инструментарий по ограничению его действия в особо чувствительных для себя сферах, включая вопросы национальной идентичности и самобытных ценностей. Целесообразно рассмотреть его подробнее и установить, какие механизмы позволяют государству более гибко подходить к исполнению своих обязательств в ситуации, когда отступить некуда, то есть когда иными способами защитить свои суверенные интересы невозможно (оставаясь, разумеется, в рамках международно-дозволенного).

Одним из таких механизмов является дерогация – отступление от обязательства при возникновении такой чрезвычайной ситуации, которая ставит под сомнение способность

государства выполнять его (Hafner-Burton et al. 2011: 676). К дерогации предъявляются особые требования: содержательное и процедурное. Первое касается ситуации, оправдывающей дерогацию: она должна быть достаточно экстраординарной для исключения физической возможности выполнения обязательства. К таким ситуациям относится, например, утрата государством эффективного контроля над частью территории. Второе требование предписывает мотивированно уведомить компетентные международные органы о возникновении такой ситуации. Например, в европейском правозащитном режиме эта процедура закреплена в статье 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – Европейская конвенция).

Однако задача по защите национальной идентичности стоит перед государством постоянно и не может обуславливаться наступлением более или менее чрезвычайной ситуации. Следовательно, она требует более гибкого параметрирования правового регулирования, которое, опять же, должно оставаться в рамках международно-дозволенного. Между тем сам факт дерогации и контекст, в котором государство было вынуждено к ней прибегнуть, могут иметь значение при рассмотрении международных споров, поднимающих вопросы защиты исторической памяти. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим резонансное решение Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу *«Борзых против Украины»*³.

Заявитель указывал, что законодательство Украины запрещает ношение Георгиевской ленты в общественных местах, в результате чего он лишился возможности использовать ее согласно своим убеждениям без риска быть подвергнутым наказанию (помимо того, что сам заявитель был офицером, его семья принимала участие в Великой Отечественной войне и сражалась против нацистской Германии)⁴. Для оценки допустимости такого ограничения права на свободу самовыражения ЕСПЧ изучил исторический контекст, происхождение

---

³ BECHR. *Borzikh v. Ukraine*. Decision of 19 November 2024. Application no. 11575/24 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-238740> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ *Ibid.* § 40.

Георгиевской ленты, ее значение для общей исторической памяти Украины и России как стран-победительниц в Великой Отечественной войне, а также ее использование в наши дни, в том числе в других постсоветских странах⁵. Суд не стал отрицать, что Георгиевская лента имеет крайне важное значение для постсоветских государств и исторической памяти их граждан. Учитывая, что празднование Дня Победы сопровождается применением Георгиевской ленты, нет сомнений в том, что она стала символом национального единения и, как следствие, идентичности (по крайней мере, для России). Однако ЕСПЧ констатировал, что, поскольку Георгиевская лента в текущих исторических реалиях ассоциируется с российским государством, на фоне существенного обострения отношений России и Украины в 2014 и 2022 гг. власти последней обладают большей свободой усмотрения для ограничения использования символов, ассоциирующихся с Россией⁶.

Возможно, дополнительным основанием для такого решения стали многократные дерогации Украины, начиная с 2015 года⁷, поскольку их основанием стали те же политические события, что описываются в данном решении (хотя в решении факты дерогаций не упоминаются). Однако впервые дерогация в отношении статьи 10 Конвенции была сделана Украиной только 2 марта 2022 г.⁸ – уже после подачи жалобы заявителем в ноябре 2017 г.

Полагаем, что перед нами, скорее, проявление другого механизма, который в лучшей степени позволяет выполнить поставленную ранее задачу и занять более гибкий и конформный международному праву подход к защите национальной идентичности. С этим механизмом в известной степени связана и дерогация, которую комментаторы Европейской конвенции рассматривают как его частный случай (Харрис и др. 2018: 19).

---

⁵ Ibid. § 4–11.

⁶ Ibid. § 50–51.

⁷ Council of Europe. Note verbale JJ7979C from 10 June 2025 // Council of Europe Official Website. URL: <https://rm.coe.int/09000016804896cf> (дата обращения: 21.05.2025).

⁸ Council of Europe. Note verbale JJ9325C corrigendum from 2 March 2022 // Council of Europe Official Website. URL: <https://rm.coe.int/1680a5b0b0> (дата обращения: 21.05.2025).

Речь идет об известной доктрине свободы усмотрения государств (англ. *margin of appreciation*), действие которой применительно к вопросам защиты исторической памяти можно рассмотреть на примере другого резонансного решения ЕСПЧ по делу «Синькова против Украины»⁹.

Заявителем по делу являлась гражданка Украины, которая стала участником провокационного «перформанса» возле Памятника Вечной Славы, воздвигнутого в честь павших советских героев Великой Отечественной войны. В рамках «перформанса» заявительница и другие два его участника пожарили яйца и сосиски на Вечном огне на могиле Неизвестного солдата, что было запечатлено на видео и распространено с критической сопроводительной подписью в сети «Интернет»¹⁰. В результате заявительница была привлечена к уголовной ответственности за надругательство над могилой Неизвестного солдата и приговорена к условному сроку, что в дальнейшем оспорила в ЕСПЧ со ссылкой на нарушение свободы выражения своего мнения.

Решение вызвало бурную критику в российском обществе, поскольку ЕСПЧ признал нарушение прав заявителя. Однако применительно к наиболее чувствительным вопросам, поднимаемым в деле, а именно вопросам защиты священных символов Победы и исторической памяти о Великой Отечественной войне, ЕСПЧ занял иную позицию, не найдя нарушения статьи 10 Европейской конвенции. Суд учел особую значимость памятников и символов, которым заявитель нанес оскорбление, и отметил, что Вечный огонь, «на котором заявительница жарила яичницу, является частью памятника солдатам, которые отдали свои жизни, защищая свою страну... У заявительницы было много подходящих возможностей выразить свое мнение... не оскорбляя память погибших солдат и чувства ветеранов»¹¹. Тем самым ЕСПЧ признал за государством, установившим уголовную ответственность за оскорбление памяти защитников Отечества, большую свободу усмотрения

---

⁹ECHR. *Sinkova v. Ukraine*. Judgement of 27 February 2018. Application no. 39496/11 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-181210> (дата обращения: 21.05.2025).

¹⁰Ibid. § 6–8.

¹¹Ibid. § 110.

в гарантировании права на самовыражение, ограничивая его в ситуациях, когда может быть нанесен столь суровый урон священной исторической памяти.

Дьявол кроется в процессуальных деталях. В приведенных примерах национальная идентичность защищалась посредством корректировки регулирования самих субстантивных прав, что укладывается в рамки доктрины свободы усмотрения. Однако поскольку ее применение легитимируется судебным актом, основания для ее применения нужно доказать в состязательном процессе. Бремя доказывания наличия таких оснований предсказуемо лежит на государстве-ответчике, поскольку оно, как указывал ЕСПЧ, находится в лучшем положении, чем международный суд, для того чтобы судить о содержании требований общественной нравственности¹². Поэтому государство становится главным¹³ источником информации для международного суда об основаниях для применения к нему доктрины свободы усмотрения. И если оно по тем или иным причинам не воспользуется своим процессуальным положением, оно может упустить возможности по демонстрации обоснованности своей позиции, отстаивающей национальную идентичность.

Сказанное видно на примере недавнего постановления ЕСПЧ по делу «*Картыжев и другие против России*»¹⁴. Одна из заявителец по делу – брянский блогер Алена Червякова – была

---

¹² ECHR. *Handyside v. The United Kingdom*. Judgement of 7 December 1976. Application no. 5493/72. § 48 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57499> (дата обращения: 22.05.2025).

¹³ В ряде случаев международные суды черпают информацию о национальных особенностях и традициях не только из позиции государства-ответчика (все же, речь идет о заинтересованной стороне спора). Для проверки достоверности информации, исходящей от государства, к участию в деле могут привлекаться международные или неправительственные организации, в т. ч. действующие в этом государстве, выступающие в качестве *amici curiae*. Так, ЕСПЧ учитывал позицию неправительственных российских организаций, разрешая дело «*Баев и другие против России*», рассмотренное далее в настоящей работе, см.: ECHR. *Bayev and others v. Russia*. Judgement of 20 June 2017. Application nos. 67667/09. § 58–60 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-174422> (дата обращения: 22.05.2025).

¹⁴ ECHR. *Kartyzhev and others v. Russia*. Judgement of 15 May 2025. Application nos. 40763/19 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/tkp19/view.asp?i=001-243128> (дата обращения: 22.05.2025).

привлечена к административной ответственности на основании части 3 статьи 20.1 КоАП РФ по факту публикации видеоролика, в котором она исполнила латиноамериканский реггетон на площадке Кургана Бессмертия – мемориального комплекса павшим советским воинам Великой Отечественной войны. Не согласившись с административным штрафом и выводами судов, Червякова обратилась в ЕСПЧ с жалобой на нарушение гарантий свободы выражения мнения.

Фабула проста: публичное исполнение увеселительного танца на фоне мемориального места, где увековечивается память героев и защитников Отечества, положивших свои жизни на алтарь Священной Победы, с позиций российской общественной нравственности рассматривается как оскорбительное. Такой поступок может расцениваться как наносящий удар по российской национальной идентичности, неотъемлемым элементом которой является память о Великой Отечественной войне, подвиге, мужестве и жертве советского народа. И хотя прецедентное право ЕСПЧ имеет все предпосылки к тому, чтобы ограничивать такие способы самовыражения, в данном деле Суд все же установил нарушение статьи 10 Европейской конвенции. Этим решением Суд обрушил на себя шквал предсказуемой критики в России.

Представляется, что истинные причины такого решения кроются не в отступлении ЕСПЧ от собственной устоявшейся практики или в его политической ангажированности, а в процессуальных деталях дела.

Во-первых, несмотря на болезненность для России поставленного в деле вопроса, она не выразила своей позиции по делу, хотя ЕСПЧ, в соответствии с пунктом 2(b) правила 54 Регламента, коммуницировал жалобу России. При этом на момент коммуникации – 20 октября 2020 г. – Россия являлась стороной Конвенции. В своем уведомлении Суд поставил перед Россией конкретные извлекающие вопросы, позволявшие пролить свет на ее позицию по защите национальной идентичности посредством ограничений способов самовыражения, глубоко оскорбляющих историческую память («Имело ли место нарушение статьи 10 Конвенции?», «Соответствует ли духу Конвенции предоставление повышенной защиты... государственным учреждениям законом об оскорблениях?» и «Был ли размер

штрафов оправдан тяжестью правонарушения и конкретными обстоятельствами дела?»¹⁵). После выхода России из Конвенции молчание могло объясняться сугубо формально – необязательностью для России решений ЕСПЧ, вступивших в силу после 15 марта 2022 г., в том числе будущего решения по этому делу.

Во-вторых, из постановления по делу следует, что основанием для присуждения заявительнице компенсации стало нарушение не только статьи 10, но и статьи 6 Конвенции, что не было учтено критиками решения в России¹⁶. Нарушение права на эффективную судебную защиту выразилось в отсутствии прокурора в ходе судебного разбирательства – как установлено ЕСПЧ и не оспорено, единственным поводом для возбуждения дела стало сообщение третьего лица (Управление культуры Брянской городской администрации)¹⁷, которое, «заменив» государственное обвинение, легло в основу обвинения. Возможно, именно это обстоятельство и стало решающим для принятия Судом решения.

Таким образом, ЕСПЧ вынужден был принимать решение в условиях дефицита критически значимой информации, которая – в свете распределенного бремени доказывания – могла быть получена только от России как государства-ответчика. Не исключено, что активное участие России в данном деле, которое поднимает вопросы, чувствительные для истории страны и, как следствие, ее идентичности, повлияло бы на выводы Суда о нарушении статьи 10 Конвенции.

Национальная идентичность как предмет политического процесса. Международный суд, разрешая чувствительный для государства спор, нередко учитывает не только международно-правовые, но и политические соображения. Таковыми могут быть: ожидаемая политическая реакция государства на принятое решение, предполагаемый объем дипломатических усилий, которые потребуются задействовать для обеспечения его исполнения, вероятность возникновения

---

¹⁵ ECHR. *Kartyzhev and others v. Russia* (Communicated Case). Statement of Facts. Questions to the Parties // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-206179> (дата обращения: 22.05.2025).

¹⁶ ECHR. *Kartyzhev and others v. Russia*. Appendix no. 3.

¹⁷ ECHR. *Kartyzhev and others v. Russia* (Communicated Case). Statement of Facts. § D(19).

потребности в дипломатическом давлении на обязанное государство, влияющие решения на исполнимость других будущих решений против этого же государства и т.п. По признанию председателя ЕСПЧ Л.-А. Сицилианоса (2019–2020 гг.), исполнение решений Суда под надзором Комитета министров Совета Европы (КМ СЕ) требует приложения политических усилий, а иногда и усиления дипломатического давления (Сицилианос, Костопулу 2020: 169, 173). На этом фоне справедливы слова профессора Лондонской школы экономики С. Экономидеса, сказанные некогда в контексте международной уголовной юстиции: «Суд – это правовой институт, но в высшей степени политизированный, который будет жизнеспособным и успешным только благодаря сотрудничеству государств и политике консенсуса» (Economides 2003: 49).

При рассмотрении международных споров, касающихся национальной идентичности, сталкиваются следующие противостоящие интересы. С одной стороны, государство-ответчик заинтересовано в защите своей идентичности различными способами, в зависимости от чувствительности поднимаемого вопроса, вплоть до полного отказа от исполнения решения международного суда, подвергающего эти ценности сомнению или ревизии. С другой стороны, суд явно заинтересован в исполнении своего решения, с тем чтобы в его портфеле оставалось как можно меньшее количество неисполненных актов. Наличие таких актов позволяет говорить о том, что их адресаты не воспринимают эти акты всерьез, что наводит на мысли либо о низком качестве отправляемого этим судом правосудия, либо об отталкивающем судебском активизме, провоцирующем государство на протест.

С этого ракурса исполнение решения международного суда, затрагивающего вопросы национальной идентичности, из банальной правовой процедуры превращается в творческий поиск взаимоприемлемых политических решений, причем нередко по инициативе самого международного суда. Рассмотрим этот процесс на примере двух конкретных дел.

Наиболее резонансным из них стало дело *«Баев и другие против России»*. В нем рассматривалась ситуация, когда участники публичных мероприятий, тематикой которых являлась защита нетрадиционных сексуальных отношений и привлечение

внимания к проблеме прав сексуальных меньшинств (признаны экстремистской организацией решением Верховного Суда РФ от 30 ноября 2023 г.), были подвергнуты административному наказанию за их пропаганду среди несовершеннолетних по статье 6.21 КоАП РФ. Решение ЕСПЧ, признавшее нарушение статьи 10 Конвенции, стало резонансным в России как расходящееся с традиционными для российского общества представлениями о сексуальных отношениях.

Любопытно, что предметом рассмотрения ЕСПЧ стал не столько характер проведенных заявителями демонстраций¹⁸, сколько само российское законодательство об административных правонарушениях. Так, ЕСПЧ высказал следующие суждения относительно качества («конвенционности») национального законодательства:

– «рассматриваемые правовые нормы [статья 6.21 КоАП РФ] не способствуют достижению легитимной цели защиты нравственности»¹⁹;

– Суд подчеркнул «расплывчатость используемой терминологии и потенциально неограниченную сферу их применения»²⁰;

– «неполноценность однополых отношений по сравнению с отношениями разнополами» обуславливается именно законодательством, а не конкретными правоприменительными решениями²¹.

Главной сентенцией ЕСПЧ стало то, что Россия вышла за пределы усмотрения по статье 10 Конвенции именно в результате «принятия общих мер» – законодательства, запрещающего пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений. Вместе с тем, вопреки позиции большинства критиков, ЕСПЧ, присуждая заявителям средства защиты, учитывал позицию России, подробно представленную в настоящем деле²².

---

¹⁸ В этой части ЕСПЧ резюмировал, что при проведении своих демонстраций заявители не стремились взаимодействовать с несовершеннолетними и не вторгались в их личное пространство. См.: ECHR. *Bayev and others v. Russia*. § 80.

¹⁹ ECHR. *Bayev and others v. Russia*. § 83.

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.* § 90–91.

²² *Ibid.* § 45–50.

Суд понимал, что Россия не пересмотрит это законодательство, в том числе по принципиальным для нее соображениям защиты традиционных ценностей, а в случае принятия решения об обратном – не исполнит его. ЕСПЧ также учел, что это законодательство являлось предметом оценки Конституционного Суда России и было признано конституционным²³, что подчеркивает принципиальность позиции России. Учитывая, наконец, что отсутствовали основания для применения пилотной процедуры согласно правилу 61 Регламента ЕСПЧ, Суд воздержался от предписания России мер по корректировке законодательства и ограничился лишь присуждением денежных компенсаций. Тем самым Суд попытался найти баланс противостоящих интересов, названных выше, и не понудил Россию к тем мерам, которые она бы саботировала, не вступая в политический диалог, разменивая свою национальную идентичность.

Еще более ярким примером является дело «*Федотова и другие против России*», в основу которого легли отказы российских органов ЗАГС регистрировать однополый брак со ссылкой на семейное законодательство. Дело было рассмотрено Палатой²⁴ и Большой палатой ЕСПЧ²⁵, и оба раза было констатировано нарушение права на уважение семейной жизни заявителем (статья 8 Конвенции).

ЕСПЧ оценивал качество российского закона и здесь. Суд связал нарушение Конвенции именно с дефектностью закона, который не предусматривает никаких форм легализации однополых отношений²⁶. Однако, принимая решение, ЕСПЧ столкнулся с той же конкуренцией политических интересов, что и в деле «*Баев и другие против России*»: суд осознал, что затрагивает крайне чувствительный для России вопрос ввиду господствующих в стране традиционных взглядов на однополые отношения. Палата даже признала, что закрепление

---

²³ Ibid. § 20, 22, 25.

²⁴ ECHR. *Fedotova and others v. Russia*. Judgement of 13 July 2021. Application no. 40792/10 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-211016> (дата обращения: 22.05.2025).

²⁵ ECHR. *Fedotova and others v. Russia (Grand Chamber)*. Judgement of 17 January 2023. Application no. 40792/10 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-222750> (дата обращения: 22.05.2025).

²⁶ Ibid. § 224; ECHR. *Fedotova and others v. Russia*. § 56.

в Конституции России с 2020 года понятия брака как союза мужчины и женщины может быть направлено на достижение легитимной цели укрепления брачных институтов²⁷. В результате и Палата, и Большая палата ограничились лишь констатацией нарушения статьи 8 Конвенции, воздержавшись даже от присуждения заявителям компенсаций. Вопреки мнению критиков данного решения, ЕСПЧ не формулировал в адрес России предписаний о мерах общего характера, в том числе по легализации нетрадиционных форм отношений.

Тем самым ЕСПЧ старался принять политически взвешенное решение. С одной стороны, оно не требует от России никаких активных действий: ни общего, ни индивидуально-характера – ничего, что хотя бы в малейшей степени заставляет государство преступить через свою идентичность. С другой стороны, оно имеет сугубо констатационную природу и в принципе не нуждается в каком-либо исполнении, что лишает государство-ответчика правовых рычагов его преодоления в национальной правовой системе.

Выдерживать баланс политических интересов важно и на стадии исполнения решения. В этих целях международный суд может более лояльно относиться к мерам, принимаемым государством по исполнению решения, конфликтующего с отдельными аспектами идентичности. Примером является постановление ЕСПЧ по делу «Юнал Текели против Турции»²⁸, в котором отсутствие в турецком законодательстве опции по сохранению женщиной своей девичьей фамилии при вступлении в брак было признано нарушением права на уважение частной жизни. Как видно, ЕСПЧ и в этом деле связал нарушение конвенционных прав с дефектами законодательства – статьи 187 Гражданского кодекса Турции, которая предписывала женщине при вступлении в брак использовать либо фамилию супруга, либо двойную фамилию²⁹. Хотя Суд не предписал Тур-

---

²⁷ ECHR. *Fedotova and others v. Russia*. § 54.

²⁸ ECHR. *Ünal Tekeli v. Turkey*. Judgement of 16 November 2004. Application no. 29865/96 // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-67482> (дата обращения: 23.05.2025).

²⁹ *Türk Medenî Kanunu*. 4721 sayılı // Lexpera. URL: <https://www.lexpera.com.tr/mevzuat/kanunlar/turk-medeni-kanunu-4721> (дата обращения: 25.05.2025).

ции скорректировать законодательство, очевидно, что устранение нарушения Конвенции, – исходя из первопричин нарушения, – требует такой корректировки.

Несмотря на то, что решение было принято еще в 2004 г., фактически оно оставалось неисполненным на протяжении без малого двадцати лет, – пока Конституционный Суд (КС) Турции в 2023 г. не дисквалифицировал статью 187 ГК Турции, в том числе со ссылкой на позицию ЕСПЧ³⁰. При этом столь длительное бездействие турецкой стороны не нашло порицания со стороны КМ СЕ, осуществляющего надзор за исполнением решений ЕСПЧ. Лишь в том же 2023 году КМ СЕ удовлетворился ссылкой на явно запоздалое решение КС Турции, указав, что «тот факт, что дело остается на рассмотрении Комитета, не означает, что государство-ответчик игнорирует судебное решение»³¹. Причины тому кроются не только в правовых нюансах (исполнение постановления не было темпорально ограничено, резолютивная часть постановления не содержала указания на необходимость корректировки турецкого законодательства, высокая текущая нагрузка на КМ СЕ и т.п.), но и в политических: вопрос о том, чью фамилию должна нести замужняя женщина, является особо чувствительным для турецкого общества и, с учетом его традиций, восходит к самобытным семейным ценностям страны.

Заключение. Как видно, процесс защиты государствами национальной идентичности в международно-правовой плоскости может протекать по двум сценариям.

Первый сценарий предполагает односторонний отказ государства от исполнения международных обязательств и имплементации обусловленных ими судебных актов, – даже если для этого придется буквально нарушить международное право. В этом случае государство, отступая от международных обязательств, не ставит вопрос о том, «куда» ему придется отступить.

---

³⁰ Anayasa Mahkemesinin 2 Şubat 2023 kararı. Tarihli ve E: 2022/155, K: 2023/38 // Lexpera. URL: https://www.lexpera.com.tr/Appendix/publication_tr/rg801y2023n32174p6_483908533_1.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

³¹ Supervision of The Execution of Judgments and Decisions of The European Court of Human Rights. 17th Annual Report of the Committee of Ministers // The Council of Europe, 2024. P. 13.

Такой сценарий может быть избран сознательно, если государство намерено сигнализировать международному сообществу о принципиальности и чувствительности для себя затронутых вопросов (в том числе ввиду их связи с вопросами идентичности).

Между тем, когда государство оперирует аргументами к национальной идентичности, стоит учитывать, что представления государства и гражданского общества о ее содержании могут не совпадать. Более того, граждане этой страны, исходя из собственных чувств общности и исповедуемых ценностей, могут являться носителями другой идентичности – отличной от той, какую государство намеревается защитить (например, когда гражданское общество отторгает ценности, насаждаемые государством исходя из его утилитарных интересов). В таких случаях национальная идентичность из субстантивного аргумента превращается в формальный, направленный на искусственное создание «пространства» для отступления государства от своих обязательств. Как бы там ни было, данный сценарий мыслим в исключительно благоприятном политико-правовом контексте, который объективно позволяет государству диктовать соответствующему международному суду, по выражению В.Д. Зорькина, свои «пределы уступчивости» (Зорькин 2024: 29) (пассивность международного суда в предписании государству мер общего характера, нерегулярность надзора за исполнением его решений, послаблений в нем и т.д.).

Согласно второму сценарию, вопросы защиты национальной идентичности решаются в процессе международно-правовой коммуникации, то есть являются предметом длительных дипломатических усилий, состязания в международном суде и даже политического торга, в том числе при исполнении актов международной юстиции. Такой сценарий более интуитивен по следующим причинам.

Во-первых, как правило, международный суд не ограничивает государство в выборе способов исполнения своего решения. Такова природа суверенитета и субсидиарности международного правосудия, которые, как отмечает П. Кароцца, «признают... ответственность национальных [властей] за обеспечение прав человека и рассматривают международное вмешательство [лишь] как... дополняющий или вспомогательный

механизм» (Carozza 2003: 67). В результате государство получает возможность выбирать «меньшее из зол»: такой способ исполнения, который будет отвечать соображениям защиты национальной идентичности или, во всяком случае, нанесет ей меньший урон.

Во-вторых, международное право поощряет активное международное общение. Неслучайно, например, Комиссия международного права ООН указывает, что возражение государства против формирующегося международного обычая (англ. *persistent objector doctrine*) должно быть не просто доведено до сведения всех причастных государств, но и последовательно отстаиваться на международной арене³², что возможно только в условиях непрерывной международно-правовой коммуникации. В противном случае государство не будет считаться возразившим против нежелательной для него нормы, что сулит угрозы для национальных ценностей, которые оно посредством этого возражения стремилось защитить. Интуитивность такого подхода подтверждают и древнеримские юристы, гласившие, что «законы помогают бодрствующим, а не спящим» (лат. *vigilantibus, non dormientibus, jura subveniunt*).

В этом контексте отличие подлинного права от сиюминутных политических интересов состоит именно в соблюдении должной процедуры: «даже при разногласии интересов и хотений» и «даже «подпорченное» ценностными предпочтениями решение... в итоге все же признают, хотя бы и без одобрения, если оно... состоялось в законной процедуре» (Арановский, Князев 2016: 71, 121). Сказанное применимо и к международному праву: если государство намерено «обезопасить» себя от применения к нему каких-либо международно-правовых норм (например, предотвращая возникновение обычая или консенсуса, противоречащего внутренним традиционным ценностям) или стандартов (например, используя свою свободу усмотрения), это возможно только в рамках международно-правового режима, закрепляющего эти нормы или стандарты, а именно

---

³² International Law Commission. Draft Conclusions on Identification of Customary International Law, with Commentaries. Adopted by the ILC at its 17-th session, 2018. P. 153 // URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_13_2018.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

посредством постоянной, открытой и своевременной коммуникации, в том числе в установленных этим режимом процедурах, не исключая судебные. Если признать защиту национальной идентичности важным суверенным интересом государства – рубежом, за которым некуда отступить, – то надлежит признать и то, что суверенитет, будучи международно-правовым атрибутом, может и должен защищаться не иначе как средствами международного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арановский К.В., Князев С.Д. 2016. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. Москва : Проспект. 206 с.

Зорькин В.Д. 2024. Лекции о праве и государстве. Санкт-Петербург : Конституционный Суд Рос. Федерации. 352 с.

Сицилианос Л.-А., Костопулу М.-А. 2020. Индивидуальная жалоба в системе Европейской Конвенции по правам человека : Практический комментарий. Москва : Развитие правовых систем. 188 с.

Харрис Д. и др. 2017. Право Европейской конвенции по правам человека / Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. 2-е изд., доп. Москва : Развитие правовых систем. ХС, 1341 с.

Carozza P. 2003. Subsidiarity as a Structural Principle of International Human Rights Law // *The American Journal of International Law*. Vol. 97, iss. 1. P. 38–79. DOI 10.2307/3087103

Dumberry P. 2010. Incoherent and Ineffective: The Concept of Persistent Objector Revisited // *International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 59, № 3. P. 779–802. DOI 10.1017/S0020589310000308

Dupuy P.-M. 2020. Prosper Weil's Article: A Stimulating Warning. Symposium on Prosper Weil, "Towards Relative Normativity in International Law?" // *AJIL Unbound*. Cambridge University Press. Vol. 114. P. 72–76.

Economides S. 2003. The International Criminal Court: Reforming the Politics of International Justice // *Government and Opposition*. Vol. 38, № 1. P. 29–51. DOI 10.1111/1477-7053.00003

Grewe W.G. 2000. *The Epochs of International Law*. Berlin ; New York : Walter de Gruyter. 782 p.

Hafner-Burton E. et al. 2011. Emergency and Escape: Explaining Derogations from Human Rights Treaties / Hafner-Burton E., Helfer L., Fariss C. // *International Organization*. Vol. 65, № 1. P. 673–707. DOI 10.1017/S002081831100021X

Viktor D. Balakaev

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: balakaev.work@gmail.com

“Nowhere to Retreat”: Defending National Identity by Means of International Law and Justice

Abstract. From the point of view of international law, approaches to protecting its national identity on the part of a state may include expanding or narrowing the scope of its international obligations or derogating from them. In order to clarify these approaches, the article examines the most high-profile cases considered in recent years by the European Court of Human Rights that involve issues of protecting historical memory and traditional values. The case-study method is used to demonstrate that the outcome of such cases is influenced not only by the content (scope) of the substantive law, but also by less obvious factors, such as historical and political contexts, as well as the procedural behaviour of the disputing party. In such cases, it is shown that the international court also pursues its own interests, which can be understood in terms of ensuring the enforceability of its own decisions rather than “diluting” the national identity of the state. By considering the implementation of acts of international justice on issues sensitive for a state not merely as a formally defined procedure, but also as a complex process of seeking mutually acceptable political solutions, the scope of opportunities for a state to defend its national identity is expanded. The effectiveness of protecting national identity is shown to be determined not by the principled position of the state in terms of the regularity or categorical nature of its objections, but rather by the effectiveness of its participation in international legal communication, including judicial proceedings.

Keywords: international justice; execution of international court decisions; national identity; historical memory; politics; European Court of Human Rights